

УДК 159.9

Ванновская О.В.

Санкт-Петербургский институт психологии и акмеологии

ОБОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОССЛУЖАЩИХ

O. Vannovskaya

St. Petersburg Institute of Psychology and Acmeology

SUBSTANTIATION OF THE CONCEPT OF CIVIL SERVANTS' CORRUPTION BEHAVIOR

Аннотация. Статья содержит обоснование предмета и методологических подходов к изучению коррупционного поведения в свете теории отчуждения. Согласно этой теории коррупционное поведение рассматривается как рассогласование личных нравственных норм с общественными нормами морали и права. Даны определения терминам «коррупционное поведение», «коррупционное давление», «антикоррупционная устойчивость», «склонность к коррупции». Сформулирована теория коррупционной нормы. Обоснован психосемантический метод диагностики коррупционного поведения.

Ключевые слова: коррупционное поведение, коррупционное давление, антикоррупционная устойчивость, склонность к коррупции, теория отчуждения, психосемантика.

Abstract. The article substantiates the subject and methodological approaches to the study of corruption behavior in the light of the theory of alienation. According to this theory corruption behavior is regarded as a disbalance of personal and societal moral norms and law. The terms «corruption behavior», «corruption pressure», «anti-corruption resistance» and «susceptibility to corruption» have been defined. The theory of corruption norm has been formulated. Psychosemantic method for diagnosing corruption behavior has been substantiated.

Key words: corruption behavior, corruption pressure, anti-corruption resistance, susceptibility to corruption, theory of alienation, psychosemantics.

В настоящее время большинство исследований феномена коррупции разрабатывается либо с позиции юридической науки, либо в русле экономических теорий, либо в области социологических исследований. Однако накопленный в этих отраслях знаний теоретический и эмпирический материал не раскрывает психологической сущности феномена коррупции, что ограничивает понимание природы коррупции как системного явления. Такое положение дел требует разработки психологической концепции коррупционного поведения, охватывающей все стороны этого явления в контексте проблем современной психологической науки.

В качестве *предмета* исследования психологии коррупции в нашем понимании выступает коррупционное поведение субъекта государственной власти. В этом смысле одним из теоретико-методологических оснований исследования психологии коррупции выступает **субъектно-деятельностный** подход. Как отмечает В.В. Знаков: «Сегодня в российской психологической науке категория субъекта играет системообразующую роль» [5, 15]. Выделение категории субъекта в качестве объекта исследования коррупционного поведения позволяет, таким образом, рассматривать данное явление системно, что соотносится с онтологической сущностью коррупции как системного явления. В рамках субъектно-деятельностного

подхода концептуализируется «способность личности решать жизненные противоречия, задачи, проблемы, т. е. не только зависеть от жизни, но и определять ее» [7, 330]. Это означает наличие системной детерминации активности субъекта государственной власти, что предполагает синтез внешней и внутренней детерминации (самодетерминации) субъекта.

На операциональном уровне исследование психологических основ коррупции базируется на системе таких основных понятий, как «коррупционное поведение», «коррупционное давление», «антикоррупционная устойчивость» и «склонность к коррупции».

Коррупционное поведение определяется нами как поведение должностного лица, направленное на получение личной выгоды путем злоупотребления служебным положением. **Коррупционное давление** – как совокупность социальных и психологических факторов воздействия на должностное лицо, приводящих к ситуации выбора между злоупотреблением властными полномочиями для получения личной выгоды или отказу от него. Под **антикоррупционной устойчивостью** мы понимаем системное свойство личности, проявляющееся в способности противостоять коррупционному давлению и осуществлять выбор между криминальным и законопослушным поведением в пользу последнего. **Склонность к коррупции** мы определяем как личностную предрасположенность к выбору коррупционного поведения в ситуации коррупционного давления.

Таким образом, выделяя в качестве предмета настоящего исследования антикоррупционную устойчивость госслужащих, мы можем говорить о системности источников ее формирования и уровне характере механизмов ее реализации. При этом одним из ведущих источников деструктивного поведения, коррупции и взяточничества выступает конфликт интересов личности госслужащего. В качестве механизма коррупционной деструкции выступает рассогласование мотивационной структуры личности и актуализация криминального выбора субъекта.

Поиск концептуальной основы исследования коррупционного поведения привел к тем криминологическим исследованиям, в которых большинство правонарушений объясняется с точки зрения теории отчуждения. Имеется в виду, что преступник находится на определенной социально-психологической дистанции от общества и его ценностей. По мнению Ю.М. Антоняна, М.И. Еникеева, В.Е. Эминова, преступники «как бы отстранены, отчуждены и от общества, и от малых социальных групп (семьи, трудовых коллективов, друзей и т. д.) или существенно ослабили связи с ними». Это определяет своеобразную мотивацию преступного поведения, специфику реагирования на жизненные ситуации, особенности воспитательного воздействия общества на таких людей [2]. Исходя из этого, появляется возможность объяснить нечувствительность коррупционеров к влиянию нравственных, профессиональных и юридических норм и ценностей, систематизировать большинство представлений о коррупции посредством обращения к категории «**отчуждения**» как универсальном источнике преступного поведения.

В свете теории отчуждения коррупционное поведение может рассматриваться как рассогласование личных нравственных норм с общественными нормами морали и права. Это рассогласование у государственных служащих может произойти как во время исполнения служебных обязанностей, так и до вступления в должность: вероятно, само желание стать государственным служащим рождается из-за возможности использовать свое служебное положение в личных целях. Так, например, в сотрудники ГИБДД молодые люди могут поступать ради относительно легкого получения незаконной прибыли.

Возможность того, что в систему государственной службы уже поступают люди со склонностью к коррупции с заведомо существующей целью получения незаконной прибыли, ставит во главу угла необходимость диагностики антикоррупционной устойчивости уже «на входе» в систему го-

сударственной службы. То есть перед вступлением в должность должен производиться психологический профессиональный отбор государственных служащих для определения их антикоррупционной устойчивости или склонности к коррупции. В данном контексте особое значение приобретает создание соответствующего психологического инструментария.

Осмысление феномена коррупционного поведения в поле теории отчуждения требует введения дихотомии: «идеальный (нормальный) госслужащий – коррупционер». Понимание природы коррупционного поведения как отчуждения (рассогласования) от социальных нравственных и правовых норм предполагает существование другого, положительного полюса – полюса нормы в ее идеальной интерпретации. Каким должен быть идеальный (нормальный) государственный служащий, свободный от склонности к коррупции и нарушению правовых норм?

Если принять во внимание, что в настоящее время в силу системного характера коррупции в нашей стране «стандартом» в системе государственной службы является получение незаконной прибыли, то можно утверждать, что определенной искаженной «нормой» является как раз коррупционное поведение. В коррумпированной среде действует своя норма поведения, отличная от идеальной нормы, от того, как должно быть. Это позволяет нам сформулировать **теорию коррупционной нормы**: коррупция является

ся нормой в системе государственной службы в условиях тотального отчуждения госслужащих от ценностей нормосообразного поведения.

Данное положение имеет смысл для общественной системы, в которой наблюдается явное расхождение между декларируемыми нормами морали и права и реализуемыми нормами поведения внутри профессионального сообщества, в данном случае сообщества государственных служащих. При этом в средствах массовой информации может декларироваться противодействие коррупции как задача государственной системы, но в реальности существующие коррупционные сети не допускают эффективных антикоррупционных мер.

Какие же отличия можно выделить между идеальным поведением государственных служащих и коррупционным поведением? Обратимся к табл. 1.

Как видно из табл. 1, между идеальным поведением госслужащих и коррупционным поведением существуют серьезные различия в ценностно-смысловой сфере. Это согласуется с данными Е.Н. Осина [6], который описал отчуждение как психологический механизм смыслоутраты. При этом отчуждение им понимается как устойчивое состояние нарушенности смысловых связей в структуре жизненного мира.

Противоположным полюсом понятия отчуждения В.В. Абраменкова предлагает считать идентификацию: «единый меха-

Таблица 1

Сравнение идеального и коррупционного поведения госслужащих

Основание для сравнения	Идеальное поведение госслужащего	Коррупционное поведение госслужащего
Нормы	Нормосообразность	Отчуждение от норм
Ценности	Ценности общественного долга и служения	Ценности материальной выгоды
Цели	Служение обществу	Личная выгода
Социальные установки	Я для общества	Общество для меня
Нравственность	Социальная ответственность	Двойная мораль

низм идентификации – отчуждения высвечивает один из аспектов интериоризации культурных ценностей в ходе развития личности. В основе этого двуединого механизма лежит процесс уподобления установкам и личностным смыслам другого человека, социальных групп и т. д., прежде всего установок, смыслов и норм, связанных с формированием я-концепции и нравственной сферы личности» [1].

Таким образом, в структуре отчуждения именно личностные смыслы выступают ведущим механизмом саморегуляции субъекта в ситуации выбора и согласования своего и общественного интереса.

Выявление антикоррупционной устойчивости и склонности к коррупции требует применения *системного подхода* и анализа различных подсистем психики. Для рассмотрения вопроса о психологической природе такого явления, как склонность к коррупции обратимся к определениям.

Согласно психологическому словарю [8, 364], *склонность* – это избирательная направленность индивида на определенную деятельность, побуждающая его заниматься. В данном контексте склонность понимается как предпосылка развития соответствующих способностей.

Другой психологический словарь [4, 511] определяет *склонность* (англ. *disposition*) как любое положительное внутреннее мотивированное отношение к какому-либо занятию. В другом смысле *склонность* (англ. *susceptibility*) понимается как «предрасположенность к чему-нибудь, наличие условий для возникновения чего-нибудь, подверженность чему-либо». Именно в этом, втором, смысле и можно подойти к пониманию склонности к коррупции.

Эти два противоположных свойства – склонность к коррупции и антикоррупционная устойчивость – могут быть поняты через призму отношения к коррупции. Основное положение психологии отношений личности (А.Ф. Лазурский, В.Н. Мясищев) заключается в том, что личность, психика и сознание человека в каждый данный момент пред-

ставляют единство отражения объективной действительности и отношения человека к ней. Отношения человека в развитом виде выступают как целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности: с явлениями природы и миром вещей; с людьми и общественными явлениями; личности с самой собой как субъектом деятельности.

Отношения, приобретая устойчивость, выраженность, большую значимость, становятся характерными для личности, становятся чертами характера. В этом смысле устойчивое оценочное отношение к коррупции может перерасти в склонность к коррупции или антикоррупционную устойчивость как черту характера.

С другой стороны, формирование личностных черт, детерминирующих склонность к коррупции, регулируется самосознанием и самоотношением. Так, человек с выраженной антикоррупционной устойчивостью может быть мотивирован чувством собственного достоинства и самоуважения. И наоборот, человек, склонный к коррупции, испытывает деформирующее влияние на правовое поведение личности со стороны негативного самоотношения и неадекватной самооценки, которые активизируют поиск компенсаторных механизмов в виде повышения значимости личности за счет материальных благ.

На рис. 1 изображена структурная модель отношения к коррупции. Как склонность к коррупции, так и антикоррупционная устойчивость определяются через ценностный, когнитивный и эмоционально-волевой уровни отношения к коррупции, которые, в свою очередь, через механизмы «отчуждения» и «идентификации» приводят соответственно либо к склонности к коррупции, либо к антикоррупционной устойчивости.

На уровне смыслов и ценностей ведущей смыслообразующей составляющей поведения личности, склонной к коррупции, является приобретение богатства как значимого дескриптора осмысленности жизни. Для личности, склонной к коррупции, характер-

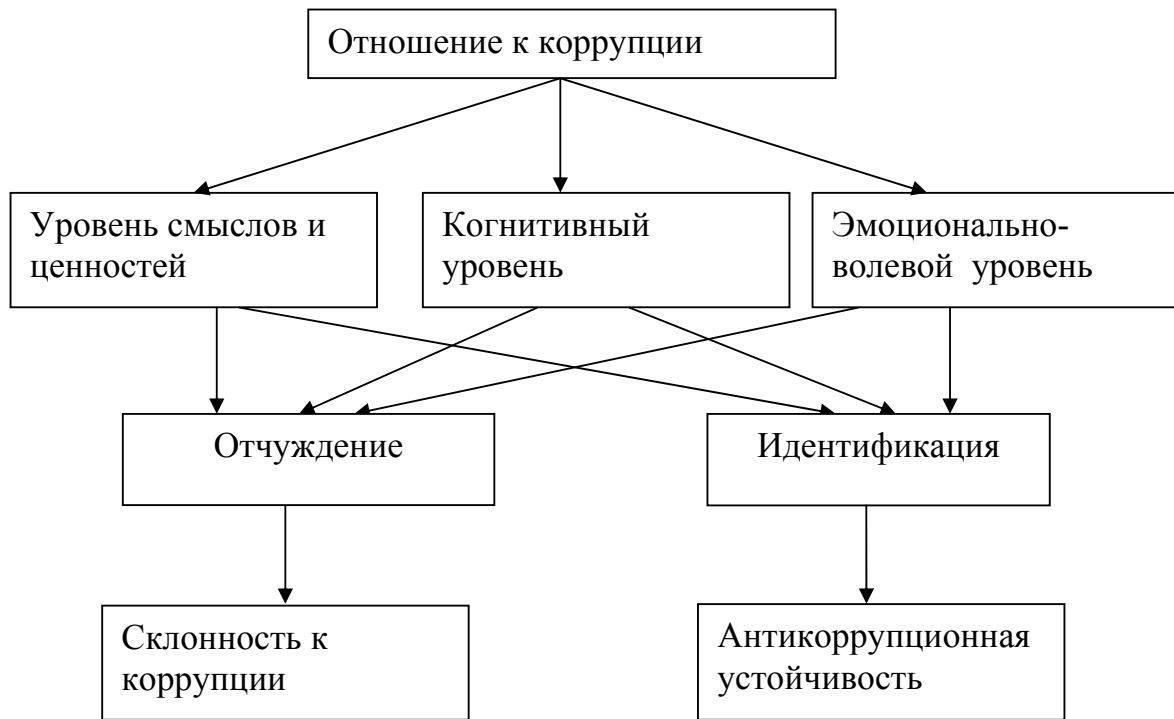

Рис. 1. Структурная модель отношения к коррупции

но преобладание материальных, а не духовных ценностей, что предопределяет ее выбор в ситуации конфликта интересов между личными и общественно значимыми интересами в пользу личных интересов. Тем самым для человека с высокой склонностью к коррупции мерилom счастья и блага будет роскошь, а ведущей ценностью – ценность «Иметь», а не ценность «Быть».

На когнитивном уровне речь идет об индивидуальных особенностях принятия решений, которые включают в себя, прежде всего, такую категорию, как самодостаточность, выраженную в двух полярных характеристиках когнитивных стилей: полезависимость и полenezависимость. Самодостаточность – это личностное качество, которое определяет величину субъективной активности, проявляющейся в способности преодолевать субъективные и объективные трудности достижения жизненных целей. Отсюда высокий уровень самодостаточности (независимости, автономности) означает развитые способности в сфере преодоления трудностей при достижении цели, высокую автономность от внешних со-

циальных ресурсов (ресурсов группы). В формировании антикоррупционной устойчивости самодостаточность в целом детерминирует способность к сопротивлению коррупционному давлению.

На эмоционально-волевом уровне отношения к коррупции правомерно выделять две составляющие: во-первых, составляющую саморегуляции как системно организованный процесс внутренней психической активности субъекта по инициации, построению, поддержанию и управлению формами произвольной активности для достижения актуальных целей (волевой уровень), а во-вторых, оценочную составляющую: позитивное, нейтральное или негативное отношение (эмоциональный уровень).

Таким образом, склонность к коррупции – это интегральное свойство личности, в генезисе которого лежит отношение к коррупции, преломленное сквозь призму ценностно-смысловых, когнитивных и эмоционально-волевых детерминант.

Каким же образом мы можем диагностировать отношение к коррупции и выявлять меха-

низмы склонности к коррупции и антикоррупционной устойчивости, какой методический инструментарий будет адекватен для эмпирического изучения этих явлений? Прежде всего, необходимо учесть индивидуальную систему субъективных значений таких объектов, как «коррупция», «благодарность», «дополнительный доход», «моя зарплата» и т. д. Эту систему субъективных значений можно исследовать с помощью методов экспериментальной психосемантики. Психосемантика как метод диагностики включает изучение форм существования значений в индивидуальном сознании (образы, символы, символические действия, а также знаковые, вербальные формы), которые позволяют выявить влияние мотивационных факторов и эмоциональных состояний субъекта на формирующуюся у него систему значений. Основным методом экспериментальной психосемантики является построение субъективных семантических пространств, являющихся модельным представлением категориальных структур индивидуального сознания.

Через построение субъективного семантического пространства мы можем зафиксировать наличие или отсутствие определенного отчуждения субъективного Я от тех или иных общечеловеческих понятий. Так, с помощью кластерного анализа можно увидеть дистанцию между теми или иными значимыми для нашего исследования понятиями. Например, понятие «Я» и понятие «Моя совесть» могут попасть в разные кластеры, что свидетельствует об определенном **отчуждении** нравственной категории Совести от собственного Я. Через построение субъективного семантического пространства с помощью метода семантического дифференциала можно определить отношение субъекта к различным сторонам действительности и собственного Я. Под отношением в данном случае, вслед за Е.Ю. Артемьевой, мы понимаем «фиксируемое в эксперименте оценочное суждение» [3, 311].

Через систему личностных смыслов мы можем выявить отношение государственного служащего к ситуации коррупционного давления и тем самым определить одну из

составляющих антикоррупционной устойчивости. Как отмечал Ч. Осгуд, «тот вид значения, который мы пытаемся измерять, – это те состояния, которые следуют за восприятием символа-раздражителя и необходимо предшествуют осмысленным операциям с символами» [9,35]. То есть у нас есть возможность исследовать отношение к словам-символам на досознательном уровне, что является очень важным в нашем исследовании, так как напрямую задавать вопросы о причастности испытуемых к коррупции бессмысленно из-за неизбежности получения социально желаемых ответов.

Таким образом, психосемантическую сферу личности государственных служащих можно определить как индивидуальную систему значений, опосредующую процессы восприятия, мышления, памяти, принятия решения и т. д. госслужащих в условиях выполнения профессиональной деятельности, что может приводить как к антикоррупционной устойчивости, так и к склонности к коррупции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абраменкова В.В. Проблема отчуждения в психологии // Вопросы психологии, 1990. № 1. С. 5-12.
2. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. С. 33-47.
3. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. М., 1999. 350 с.
4. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб., 2003. 672 с.
5. Знаков В.В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 95-106.
6. Осин Е.Н. Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика: Автореф. дисс. ...канд. психол. наук. М., 2007. 23 с.
7. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997. 576 с.
8. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. 494 с.
9. Osgood Ch., Susi C.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana, 1957. 295 p.